

№ 120 (79) ВОР ФАНЫГА

Жил мужик, и было у него три сына. Очень много было леса. Он не знал, что с ним сделать. Позвал сынов идти в лес потолковать:

– Что из няво делать?

Пришли они в лес, старший сын сказал:

– Много можно, отец, домов построить, построек!

Второй сын сказал, что можно корыты, желоба* коровам, свиньям наделать. Третий сын, младший, что – кить* такой вырезать, и буду ходить воровать в лесу. Отец наругался на него. Он [младший сын] яво не послушал, остался сразу в лесу.

Едет мужик, везёт полный воз хлеба из мельницы. Он [младший сын] поставил сапог перед ним, потом побяжал другой поставил, а мужик говорит:

– Что ж я с одним сапогом буду делать? Поеду дальше, не возьму!

Поехал дальше: стоит второй сапог. Он [мужик] решил сбежать за этим сапогом, первым. Лошадь привязал и побежал. А вор Фаныга наблюдал. И взял лошадь и поехал домой. Привёз и говорит отцу и братьям:

– Вот сколько вам хлеба привёз!

Отец опять заругался на него, что он таким хулюганским делом занялся: воровать. А он [младший сын] не послушал и опять в лес, опять в лесу сидит.

Едет мужик на базар, ведёт быка большого. Он [младший сын] тихонько ночью прицепился и верёвку отрезал от телеги, быка за роги и в лес. Тоже привёз братьям и отцу. И говорит:

– Вот режьте, много мяса вам будет!

Опять заругались на няво. Он ушёл, не стал слушать.

Вдруг, у него был дядя Крупеня, услышал такое, что вор Фаныга научивши воровать. И пригласил его на испытание, как он может воровать. Приехал [Фаныга] к нему, поехали на лодке на остров от утки яйца красть. Пока они до острова ехали, он даже подмётки отодрал от дяди Крупени, и тот не заметил. А яйца от утки украл, и тоже утка, как сидела, так и сидела.

Хорошо. Теперь услышал барин, что есть такой вор знаменитый. Приглашает яво к себе и говорит:

– Ты вор Фаныга?

– Да, я, барин, вор Фаныга.

– Вот у меня придут гости. Приедут, будут играть в карты, вот укради у них карты! Дам тебе сто рублей.

Так он говорит, что:

– Попробую украду, наверно!

А вор-то перепачкался в такую липучую, потом в перья перекатался, перья – весь как чёрт сделался и сидел наблюдал, когда они будут играть. Он как вскочит – они с испугу все разбежались кто в окно, кто в дверь, думали чёрт это страшный такой. Он сразу собрал [карты] – и в сад, и там за деревьями и укатил! Потом они очнулись и стали смотреть, что это произошло, смотрят – карт нет! Тогда барин говорит:

– Вот это кто – вор Фаныга!

Призывает его, вор Фаныга говорит:

– Да, это я украл. Давай сто рублей!

Он [барин] отдал ему деньги и говорит:

– Я дам тебе двести, укради от нас с женой рубашки с тела!

Он говорит:

– Ну, хорошо, попробую!

Так они ложатся, ни в ту ночь – это дальше, сразу не стал делать. Спят одну ночь, и другую, и третью. Он тогда развёл дрожжей в бутылочку и, как они заснули крепко, подлил им туда хорошо. Барыня проснулась:

– Барин, – говорит, – кухарка нам плохо чай сварила, не закипятила, и у меня понос, смотри, и у тебя! Давай, сдевай скорей рубашки: грязные, запачкались!

Ну, хорошо. Кричит кухарку:

– Дарья, Дарья, скорей иди, скорей!

Она [кухарка] этого ничего не знает, со сну:

– Кто? Где? Чего случилось?

– Да, что ты? Неси чистые рубашки: у нас понос! Ты же наделала нам делов: рубашки-то запачкали мы, нам понос!

Ну, она принесла им чистые, а эти сунули грязные (Куда их!). Тут он [вор] сразу их схватил и в окно вылез и упорол.

Утром проснулись [господа], она [кухарка] говорит:

– И рубах никаких не брала ваших, не знаю! Но чистые вам принесла.

Так, тогда [барин] призывает яво.

– Ну, ты, вор Фаныга, рубашки украл?

– Да, я украл.

– Ну, вот тебе двести. Укради лошадей с конюшни, дам тебе триста.

Так.

– Ну, попробую!

– Будут замки и будет стража, сторожить будут.

Но вот он тогда растрёпанную одежду взял, одел на себя. Бочонок вина купил и пошёл. Намочился сначала в воде, в канавы. Идёт и говорит:

– Пустите меня погреться, я весь примочился, ввалился в канаву. Несу бочонок вина: жёнка родила, на крестины надо, дайте погреться!

– Ну, грейся, грейся!

Так он стал греться, заснул, захрапел (нарочно он это, специально). Захрапел, тогда они и думают: вот сейчас мы и напьемся, пока он спит. И он всё это слышит. Они открыли бочонок, и эта вина-то напились, успали сразу: вино крепкое было. Успали, а он следит за ними. Он взял от конюха ключи, отомкнул конюшню, вывел самую пару лошадей хороших, опять замкнул и ключи положил конюху. Сам конюх спал. Когда проснулись, испугались:

– Что мы-то наделали, мы же спали, а тут мог кто украсть лошадей-то!

А конюх пощупал:

– Ключ-то у меня, не бойтесь, спите спокойно!

Пошли утром: лошадей нет, хорошей пары нет! Ну, тогда барин опять призывает яво:

– Ну, вот на тебе триста, но чтоб больше к нам не ходить! И так меня разорил! Чтоб не было тебя в доме нашем никогда!

– Ну, хорошо, не пойду!

Теперь он узнал, когда барин уехал на охоту. Пошёл к барыне. А там свинья с поросятами ходит. А он на лошади

приехал, на телеге. Говорит, кланяется свинье в ноги всё время. А она [барыня] говорит слугам:

– Сходите, посмотрите, что там мужичку-то надо, свинье всё в ноги кланяется.

А говорят:

– Он с нами не разговаривает, мы сходили, он с нами не разговаривает. Барыня, иди сама!

Барыня пришла, говорит:

– Что, мужичок, тебе здесь надо?

Он говорит:

– Барыня, наша свинья пестра – вашей свинье сестра. Просила вот ей на день рождения, чтоб свинью с поросятками со всеми к нам, я на телеге приехал, увезу их.

Она говорит:

– Вот как нас почитают: даже животных наших уважают! Идите, – слугам, – помогите посадить на телегу!

Посадили на телегу, он поехал.

Приезжает барин с поля, со службы своей, с охоты. Не успел барин войти, она [барыня] и говорит:

– Барин, – говорит, – как нас-то почитают: даже животных наших и то уважают! Тут мужичок-то приехал на телеге. Их свинья пестра – нашей свинье сестра. Вот на день рождения просит, чтобы мы отпустили. Вот поехал.

Он заругался, чуть не побил барыню:

– Дура ты такая, это был вор Фаныга, он тебя оманул. Ты опять дурочкою осталась хороша!

Справился, лошадь запряг догонять его.

А он знает, что догонять это будут, он уже эту свинью с поросятами в лес загнал и привязал, а сам шапку положил и с палочкой стоит, и опять в другую одежду одевши и стоит.

– И тише, тише! – барину – Ты что тако, так быстро едешь?

– Да что? – говорит.

– А ты, – говорит, – кого ищешь?

– Да вот не видел ли, мужичок увёз (а сам не подумал на него, тот же на телеге увёз, одежду другую одел), увёз свинью с поросятами.

– А, видел, проезжал! – говорит.

– Но, – говорит [барин], – ты не мог бы догнать?

– Да как я догоню: мне надо птицу, да тут знаешь, красивая-красивая вот под шапкой вот под этой сидит, и мне надо караулить: как я могу догонять! Ну вот если ты возьмёшься караулить, я поеду догоню. Только мне, – говорит, – одежду твою, чтоб знали, что это барин. А то я в таком лохмотье, кто мне отдаст эту свинью твою!

– Хорошо, ну ладно, буду караулить!

Переоделись они. Он это на лошади на хорошей поехал, догонять уехал, и уехал, и уехал.

И сказано было:

– Если пойдёт такой растряпуга – собак спускайте и навязыкывайте*, пускай его растерзают! (Рассердивши был барин!)

Барин-то идёт – на него собак: ах, он не барин, раз не в шляпе, не в одежде хорошей, без шапки!

А он [вор Фаныга] подъезжает к барыне, подстроился к барыне, такой мужик нарядивши, хороший, умный, хитрой, воровать знает, барыня на ём и женилась.

Вот и сказка вся.